

Расшифровка интервью

Дата: 29.06.2023

00:00:01

Знаете, про папу я могу сказать о том, что папа родился 24 июля 1987 года. Где — я не знаю. И мама не говорила, и, это самое, в какой семье. Я знаю, что папа у меня работал, закончил учреждение, сказать, высшее, не высшее, но закончил, не техникум, а институт. И не в городе Челябинске, и не там где он жил, а совсем в другой стране. Он — инженер-строитель, с большой буквы. Сюда они приехали в 1930 году, и папа поступил. Как раз строили Челябинский тракторный завод, и вот работал он на Челябинском тракторном заводе до ареста.

00:01:30

Вы так загадочно сказали, что учился он в другой стране. А вам известны какие-то подробности?

Да, я могу сказать, что в Сирии. По-моему, Сирия. Когда мама проговаривала, когда на службу его призывали. И когда он отслужил, приехал, он маму умолял, чтобы поехать туда жить, в Сирию, но мама не согласилась. Уже дети были, она говорит, там другой язык. Но дети же, они быстро освоятся, и, вроде бы, это самое, страна хорошая. Но мама не согласилась, и он остался в Челябинске.

00:02:32

Я работала председателем, и судьбы разных рассказывали. Те, у которых отцы и матери были репрессированы, и какая судьба их складывалась. Они все досконально, все рассказывали, это ужасно. Это ужасно выслушивать такое, даже представить себе не могли, что мы могли пережить это. Поэтому очень тяжело говорить о репрессиях, несмотря на то, что уже прошло 86 лет от репрессий. Начиная с 1937 года, но если считать, то репрессии были с 1917 года. Это так. Вот поэтому очень тяжело говорить. То, что дети пережили... Вот, допустим, не давали учиться. Значит, как-то дети враги народов. К счастью, наша семья об это не пострадала. Особенно я, в 1937 году родилась, мне 6 месяцев было, а уже в 1956 реабилитировали папу и, значит, всех детей. А так, не давали должность, допустим, потому что родители репрессированные — враг народа. И вот сейчас уже все закончилось. Я имею в виду, когда я начинала работать председателем общественной организации реабилитированных, областной, на учете состояло в городе Челябинске 39 тысяч репрессированных. И из них те, которые в лагерях были, в детдомах за колючей проволокой. Родителей репрессировали, а детей отправляли за колючую проволоку, в детдом. И, значит, они про себя рассказывали. А потом у нас организация Курчатовская, у нас было 1300 человек репрессированных в нашем районе, в Курчатовском. А в связи с этой эпидемией, и люди уже далеко престарелые были, и ушли из жизни. Вот из 39 000 репрессированных в Челябинской области сейчас осталось, если 7 000 осталось в Челябинской области, то это хорошо. Особенно подкосил ковид, эпидемия. Люди уходили, уходили, уходили, уходили, особенно за эти годы, за 2-1 год.

00:06:37

В чем заключалась моя работа? Работа с репрессированными, их судьба, положение, как они сейчас живут, какие у них беды, помощь. Многим оказывали помощь. Больные — многие в лагерях были, на повале леса, и в таких условиях жили, в трудных. Война была, все, и репрессия, и война началась, и голод, и холод. А особенно дети репрессированных, они пережили очень много. Многие даже психически уже стали, допустим, им по 30 лет, по 40, они уже психически больные были. И они не отвечали за свои поступки, они выговаривали все, говорили, что могли, что думали, или думали, или не думали после этого. Выслушивать, слушать их, и сопоставлять — это было очень... Мне очень тяжело было, очень.

00:08:15

Я сама из большой семьи, я 13 ребенок в семье была. Мне было 6 месяцев, когда моего отца расстреляли. Забрали его 14 ноября, а 14 декабря он был расстрелян на Золотой горе, в городе Челябинске. Но я хочу о своей судьбе сказать то, что до 21 года я не знала, что мой отец репрессированный. Мама об этом вообще никому и ничего, и дети, ну, постарше дети знали, а вот я ничего не знала, мне никогда ничего не говорили. А вот когда я уже столкнулась, в 1956

году, мне было уже 19. Да, 19 лет мне было, и я столкнулась с тем, что маме прислали документ, что явиться к военному прокурору и справиться о судьбе своего мужа. И вот тогда я стала маму спрашивать: что, почему, где мой папа? Она и тут не говорила ничего. Только я узнала о судьбе своего отца в 21 год. Мне рассказали все, что папа был осужден, и...

00:10:00

А вы можете рассказать подробности, как Вы узнаете об отце?

Об отце я узнала через маму, это мама рассказала. Ну, рассказала так, тоже скромно, и все. И вдруг... я работала на заводе ЧТЗ, и меня избрали секретарем комсомольской организации. И мы работали. И в 21 год ко мне подошел парторг и говорит: «Мы хотим, чтобы вы вступили в ряды партии». И я говорю: «Ладно, я спрошу у мамы». Просто вот я уже знала, и думаю, как? И я пришла домой, рассказала, что мне предлагают, мама, вступить в ряды партии, как ты на это смотришь? Я говорю: «Я им сказала, что я спрошу у мамы». Она заулыбалась и сказала: «Ступай, не делай ошибок, если ты откажешься...». Они знали, что мой папа репрессирован, знали на заводе, а я не знала. Представляете? И вот как я среагирую, и он говорит, ну, ладно, будем ждать ответ. Я на следующий день пришла и сказала: «Да, я согласна».

00:11:46

Скажите, а Вы помните подробности этого разговора, первого разговора с мамой про отца?

Ну, я спрашивала ее, но она рассказала так: 14 ноября в 12 часов ночи подъехал черный ворон, и пришли с обыском. Говорит, зашли, а дети все, у нас двухкомнатная квартира была, детей 13 человек, да, да и самих... и на полу спали и всякое. И стали обыскивать, а чего там обыскивать? Искать? Что искать? Одни дети и все. И, значит, взяли понятых, с нами рядом жил военный прокурор, это самое, Собакин, его взяли в понятые. Ну, он, видимо, с ними разговаривал, все такое. Мама настолько растерялась, и не знает что. Они, значит, маме сказали, что положите там белья, носочки, что-то, это с собой, она говорит, я хожу и ничего не вижу и не знаю. Это мне рассказала мама, и больше как-то не заостряли больше разговор.

00:13:30

А когда в 1956 году реабилитировали папу, и до 1990, до 1991 года, до 1989 года, все было, ну никто ничего не шевелился. А в 1989 году вышел указ Ельцина о реабилитации жертв политических репрессий. И я помню, значит, я в 1992 году вышла на пенсию, но я еще работала два года, в 1994 году у нас первое организовалось, в 1994 я уже ушла на пенсию совсем, и в 1994 году организовался комитет реабилитированных репрессированных. И, значит, я в комитет в этот вошла. Мы составили устав, все это подготовили. Я была заместителем председателя, а председатель был Стрельников.

00:14:58

А Вы помните какой-то свой порыв внутренний, почему вы пошли сразу, как только узнали об этом комитете?

Меня пригласили, я не пошла сама. Я даже и не знала. А в 1989 году к нам приехал Сахаров и вскрывали Золотую гору, и объявили по радио, что будет митинг на Золотой Горе в Шершнях. А я знала, что мой папа там лежит, мама рассказала. И я поехала туда, в 1989 году, на открытие этого мемориала. И вот выступал Сахаров, потом космонавт приезжал, Береговой, по-моему, и Боннэр, жена Сахарова, потом Старовойтова была, в общем, мы все. И когда начался митинг, открытие этой горы, рассказывали, сколько здесь захоронено. Просто шахты были, там золотые прииски были, золото добывали. И вот после добычи золота оставались шахты, и вот эти шахты пригодились для этого. В день по 300 человек расстреливали. Привозили их в 11 вечера, и, представляете, ставили их у кромки этой шахты и стреляли: в кого попадут, кто от страха падал. Там лежат 65 национальностей, разных национальностей: татары, башкиры, русские, украинцы, из Чехословакии, ну, в общем, весь свет общества. Обнаружено 11 092 человека на Золотой горе, где были вот эти две шахты, даже не две, а три - обелиск стоит. И вот этот обелиск построил тоже инженер-строитель, работал он на ЧТЗ. И вот этот обелиск, он где-то, сейчас скажу, где-то в 1996, что ли, году сам, лично [построил]. У него отец тоже здесь расстрелянный был, а он сын, и вот соорудил. Долго не было ничего, ни памятников, ничего, и вот это он сделал, и потом ушел из жизни быстро.

00:18:30

Можно я все-таки уточню, чтобы мы были с вами максимально точны, да? Одиннадцать с лишним тысяч, насколько мне известно, это вообще расстрелянных

по всей Челябинской области, а на Золотой горе около 500 только раскопали. То есть, предположительно, там огромное количество, но вот подтвержденных 500 человек только. Но кто-то говорит 370, кто-то говорит 500.

Это неправда. Вот неправда. Там тысячи лежат, и это — правда. Это вот сейчас замалчивают. Я, конечно, вам еще скажу. Вот сейчас уже, ну все, на закате уже все завершается, нас уже очень мало остается. Ну, на всю Челябинскую область 7 000, что это? А может сейчас еще меньше. Умирают каждый день, и очень много. Очень много еще пожилых людей, очень много. Ну, я в 1937 году, мне уже 87 год. Это...И сейчас нас, раньше хоть, что общество реабилитированных, не репрессированных, а реабилитированных, потому что дети-то реабилитированы. Вот. И это... А сейчас нас называют «дети войны». Везде, вот, какое мероприятие они проходят, вот даже 22 июня я была на мероприятии в школе, проводили начало войны. И, значит, все категории перечислены, а нас, значит, называли «дети войны». И даже предупредили. Я говорю: «Почему нашу категорию не называют?» — я спросила. А мне сказали: «Вы — дети войны». Я знала, что мой отец ни в чем не виноват. И не мог он предать родину, никак. Понимаете? Я не стеснялась. Я не стеснялась, везде выступала, говорила и нисколько не стеснялась, не боялась. А почему вот сейчас, почему-то всегда, как скажут «репрессированы или реабилитированы» и у людей прямо черти что. Вот сейчас. И нас же дети, вот нынешнее поколение, нас ведь не понимают. Нас не понимают. Когда я еще была председателем, уже говорили, что мы не знаем какого сорта. Это очень тяжело. Очень тяжело. Тяжело даже вспоминать, думать. Это очень тяжело.

00:21:53

А Вы говорите, что не понимаете, почему такая формулировка, почему вас называют «детьми войны». Какой у вас внутри ответ? Почему все-таки так предпочитают обходить стороной?

Мне кажется, я и раньше думала, почему-то хотят умолчать, замолчать, чтобы мы замолчали. Вроде бы сейчас это уже ничто. И что мы пережили, никому до этого дела нет. Если бы вы почитали... я вот все документы свои, через, как вам сказать, все не то, что упаковала, а сшила все и все передала Валентине Павловне. Куда мы писали: и в Конституционный суд, и все.

00:23:05

В государственный архив. Просто не все знают, кто такая Валентина Павловна. В государственный архив Вы имеете в виду, да, Челябинский?

Нет, это председатель Курчатовского района. Я ей все сдала. Там и доклады все мои и все. Я говорю: «Можешь воспользоваться». Человек новый, она недавно работает, и она не была в нашей этой ячейке, чтобы ее приглашали. Ну и для работы ей, чтобы она уже как-то вникла. Ну, она добросовестный, ответственный человек — Валентина Павловна. Она хорошо справляется со своей работой. И наша организация Курчатовская, как раньше, была в передовых, так и сейчас она... Вместо меня женщина, она по национальности немка, и в металлургическом районе там это кассел и немцы. И вот она возглавляет нашу месть. Но больше уделяет, конечно, работе с немцами. Понимаете? А нашу работу как-то, городская должна, но городская, ей 84 года, она никакая. Но стоит у власти и никто город, даже сказать «спасибо» за работу, поблагодарить ей, что есть же еще люди остались, которые моложе, могли бы возглавить. Но уже куда? Нет. Видимо, их устраивает это. Вот я, между прочим, против этого всего, меня это бесит. Понимаете? Уже человек ничего не соображает, и она вообще и раньше-то не очень-то соображала, а сейчас в таком возрасте, если бы вы ее увидели, вы бы вообще...

00:25:36

А Вы можете еще подробнее рассказать про тот первый митинг в 1989 году? Вы же там были? Что больше всего вам запомнилось?

Мне запомнилось то... Объявляли по радио, собрались очень много народу. У меня уже мамы не было, она ушла из жизни в 1976 году, а это в 1989. Я бы, конечно, могла побольше узнать и все такое. И вот мы стоим, начинает выступать Сахаров. И поднялся такой ливень, вы себе представить не можете. Вот знаете, как из ведра, вот просто, лился такой ливень, и хоть бы кто пошевелился! Бежать некуда было. Там же вот такое место. И никто не пошевелился. Пять минут лил такой дождь. И через пять минут засияло солнце, и вот это настолько всех поразило, и даже никто зонт... А зонт бесполезно, понимаете? Это просто ливень был. И потом солнышко засияло, все хорошо.

00:27:09

И вот я еще на Золотой горе, это было, сейчас скажу, где-то в 2019 году... да, в 2019 году я еще работала. И 11... ой, 9 сентября мы собрались, и служители все проделали свое. И вдруг мы сидим, и по небу, батюшка читает, а по небу ангелы! Вы представляете? Мы все видели это. Вот это тоже очень хорошо запомнила. И запоминается то, как мы приходим на Золотую гору... не знаю, как вы ощутили это, не ощутили, но могли и не ощутить... Ни одна птица не поет. Понимаете? Даже не... Там нет птиц. А немножко... Когда митинг проходит, выходишь, там, садишься на автобус, все такое, и едешь, и птицы поют. Вдали птицы поют. А у нас в этом закутке — нет. Вот тоже это очень... И вообще, когда приходишь, всегда дождичка идет. Всегда плачут наши. И тут же прекращается. Когда начинаем уже мероприятия, начинают церковные петь, служить, и все прекращается. Прекращается дождь. И потом солнышко, какая бы ни была погода в сентябре. Или вот идет дождь, мы приезжаем, ну дождь, ну правильно, все плачут. Вот плачут наши, что мы долго не ходили, не приходили к ним. Вот. Ну, проводим это, родительский день, обязательно. Обязательно приходят на Золотую гору. Столько собирается народу. Это вообще.

00:29:52

Я что хочу сказать, я знаю, где мой папа похоронен, в какой шахте. Я расскажу случай. Это первый, первый митинг был после открытия горы. И там установили лавочки, ну, пожилые же люди приходили. И я села на лавочку, еще не начался митинг. Я села на лавочку, и сижу и вот так думаю: «Господи, говорю, где мой папа, в какой шахте лежит?» А знаю, что, вот, первая шахта, вот где памятник стоит, а вот тут первая шахта, там деревья, елка стоит, все такое. И тридцать седьмой год там — это первая шахта. И в ноябре, в декабре папу. И думаю, в какой же шахте. И потом вдруг объявили митинг, что давайте, подходите... И, ты знаешь, Оля, я подошла, меня как кто пригвоздил к этому месту. Я ни влево, ни вправо, никак я не могла, отступить. И сказала: «Здесь мой папа». И я каждый раз прихожу, и на этом месте и цветы, и все кладу, и с ним разговариваю. И ухожу с этой горы умиленная.

00:31:45

То есть фактически это не подкрепленная информация, но Вы убеждены, Вы так чувствуете?

Да, я это чувствую. Нет, это не подтверждено. Но знаю, что, когда вскрывали могилы, мы даже тоже были шахты, вот эти. И мы видели, доставали, кружки, предметы, которые с собой брали они. И оттуда доставали, и вот то доказательство.

00:32:23

А потом, значит, одна женщина, она в Шершнях жила. И когда приезжали вот эти, расстреливали и уезжали. Это вот по 300 человек. И они же все, это, говорит, такой стул стоял. Они не всех расстреляли, что сразу убивали насмерть. Есть даже, которых вытаскивали, помогали выйти. И они оставались живы. А по документам он расстрелян. Понимаете? Вот еще какие случаи были.

00:35:05

Вам кажется, это больше про легенды, или есть прям свидетельство таких историй?

Вот как женщина рассказывала, та, которая жила в этом. Она свидетельствует о том, что которых доставали, они живы. Но уже по другими фамилиями могли сделать. Вот так. Она не утверждает, что, ну, это понятно, что человек живой, живет, ему же надо как-то существовать. Выходили из положения, всяко.

00:33:44

А для Вас важно, чтобы эти раскопки продолжились? Чтобы все шахты были вскрыты?

Да, конечно, конечно. Все равно же это люди, это люди. Сколько бы там они не находились. Их же так много, их так много. Те, которые я слышала... Я как раз была на этом мероприятии, на Золотой горе, когда один выступал и сказал, что тут 500 человек, а второй вообще сказал 37 человек. Но когда мы видели, дополна шахта полностью была забита. И они старались, что, вроде бы, корью болели, там какой-то болезнью, что их сюда сваливали. Ну, что говорить-то? Ну, такого нет. Мы знали, куда сваливали тех, которые болели. А это наши, наши расстреляны. 65 национальностей. Что? Все болели, что ли? Нет, конечно.

00:35:05

Как Вам кажется, почему эти раскопки приостановлены? Когда в советский период

замалчивали, еще ладно. Но вот заговорили уже в полный голос о реабилитации. Почему это на паузе?

Вот я даже удивилась, ведь было 80 лет и стену сделали в Москве. Мы же туда землю брали от нас из Челябинской горы. Там все есть. Мы фотографировались, приезжали. Мы как приезжаем в Москву, так обязательно первым делом идем к стене этой. Цветы возлагаем, свечи ставим. Это для нас святое место. Я удивилась даже, как мог это... Потому что по письмам, сколько ни писали Путину... ну, может, до него и не доходили, перехватывали, ну, не перехватывали, там же отделы, перехватывали. Там же отделы сидели по письмам. Ведь приходит письмо, приезжает туда, а потом уже они рассматривают, отдать письмо это или не отдать. Отдать эту просьбу или не отдать — это уже так положено, так было. И поэтому мог он и не знать, но тем не менее, он к этому отнесся. А к нашим просьбам нет. Нам все время был отказ. Мы и в конституционный суд писали. И куда мы только... И в Верховный суд, и Международный, и везде, и везде нам был отказ. Везде.

00:37:13

Отказ по поводу чего?

Это, ну, на рассмотрение, а потом нет надобности. Вот у меня все вот эти вот ответы, все письма, которые я писала, все вот это у... Когда были другие журналисты, у меня было здесь, я еще работала. А сейчас, ну, я говорю, храните, мало ли что. Храните до конца.

00:37:40

Можете все-таки уточнить, в этих письмах суть какая была? Вы просили о чем конкретно?

Ну, конечно, мы просили, чтобы нам... нас лишали это льгот. У нас же были все льготы, а потом раз и обрезали. Потом, значит, я уж сейчас не помню в каком... А, в 2013 году нас вообще, льготы все сняли и перевели на денежный эквивалент. И, значит, 300 рублей нам дали льгот на все. Понимаете? И на жилье, и на... Ну, абсолютно на все — 300 рублей. И вот здесь пошли наши беды. Мы по судам. Ну, с судов вначале с Челябинска, с наших судов. Потом выше, выше, выше, выше. И нам особо не пришлось довольствоваться, что нам Москва это все сделала. Но мы пошли по нашим чиновникам. И вот Журавлев был, потом Законодательное собрание, Гехт, которая сейчас работает.

00:39:14

Скажите, пожалуйста, Вы обращались какими-то письмам по поводу того, чтобы раскопки на Золотой горе продолжились?

Нет. Я уже не занималась. Может быть, это и писали сейчас. Нет.

00:39:29

Вы просто мне так и не ответили. На ваш взгляд, почему они приостановлены?

Ой, Оля, я не могу тебе сказать, для чего приостановлены. Может, уже... Хоть они много и не говорили о репрессиях, много не говорили, чтобы приостановить вот это все, замалчивать. Понимаете?

00:39:55

Ну, вот меня вот это бесит. Это когда значит, не репрессированы, не реабилитированы, а «дети войны». Вот и все. Меня это очень даже обижает. Я — не «дети войны». Я — пострадавшая от политических репрессий. Я не просила, чтобы моего отца расстреляли. За что? Что он просто человек, выходит так. Вот так. Вот сколько я это проводила мероприятия. Вот делились своей судьбой люди, да? Это я не пережила вот это вот все, что они пережили. А ведь они... Это вообще страшно. Это волос шевелится на голове, когда они рассказывают, в каких условиях они находились. Как... Ой, это... А книг мы сколько прочитали?

00:41:16

Тем удивительней, что после всех этих вскрытых историй, после всех документов и написанных книг, находят такое масштабнейшее захоронение, и, вместо того, чтобы все ресурсы пустить на то...

Да, да. Но стараются... Стараются замолчать.

00:41:35

Как Вы считаете, вообще наше общество, наша страна, люди нуждаются в том, чтобы полноценный разговор о репрессиях состоялся, чтобы виноватые были названы преступниками, чтобы случилось некое покаяние?

Конечно. Вот видите, преступников каких? Там же и военные были репрессированы, тоже расстреляны: Тухачевский... многих же тоже военных расстреливали. Ни за что, ни про что. Что они... Они помогали советскую власть как-то строить и все. За что их расстреливали? Это все умалчивается. А почему, не знаю. Но замолчать...

00:42:26

Для Вас кто преступник в этой истории?

Государство. Государство. Сталин. Это уложить 27 000 000, расстрелять собственный народ. Ленин. Семнадцатый год. Не надо забывать об этом. Сейчас трещат о нем тоже.

00:43:06

Скажите, а Ваше отношение к Сталину как-то менялось в течение жизни?

Нет. Вы знаете, что это свершилось... Я много о нем читала, много. Он преступник. Понимаете? Преступник. Он сделал геноцид собственного народа. Геноцид. Вот. И не мне его судить. Всевышний рассудит. Может, уже и рассудил. Все. Оттого, что мы что-то скажем... от нас это не зависело. Дело сделано.

00:44:00

Когда я вступала в партию, мне задавали вопрос: как я отношусь к Сталину? Да. И к Сталину, и вообще к государству, как я отношусь к религии? Это задавали вопрос. Я говорю: «А как к религии относиться?» Значит, церковь же была отделена от государства. И я говорю: «Как?» Ну, они заулыбались. Да, да. Вроде бы. Правильно. А это самое. А про Сталина я сказала — это не мне судить. И к государству. Как? Я говорю, это общество. Когда-то вынесут может решение, кто пострадал. Но однако я не слышала. Я только слышу: репрессии, сталинские репрессии, сколько он уничтожил, сколько это туда-сюда. А никто не осудил его. Я вот не слышала нигде. Нигде. Это о чем говорит? До сих пор что ли боятся? Он уж оттуда не встанет. Но найдутся люди, поэтому молчали все.

00:45:35

До сих пор полноценного же осуждения не было. Когда я говорю о покаянии, я говорю о том, чтобы назвать преступников преступниками.

И никто не называет. Никто.

00:45:49

Почему так? Ну Вы-то вдруг себе отвечаете. Наверняка отвечаете на эти вопросы.

Нет, Оля. Я сама себе не могу дать ответ. Почему это случилось? Почему это случилось в нашей стране? И я задаю вопрос: а какое отношение Сталин имел вот к этим людям? К иностранцам, в других странах живут? Почему он позволил себе вот здесь, на Золотой горе уничтожить? Мало того, что свой народ, так он же иностранцев сколько? И болгары, и чеченцы. Ой, это вообще перечислять это страшное дело — 65 национальностей. Они в чем же виноваты? Может быть и виноваты, но я не думаю, чтобы они занимались подрывной деятельностью у нас. Там не поголовно, что там 10-15 человек расстреляли. Может 2-3, по 2-3 человека, те, которые были иностранцы, но у них 65 национальностей. Вот Хрущев только осудил репрессии сталинские. Ну и потом его сничтожили. А он-то тоже участвовал в репрессиях. Чего же он о себе-то не говорил?

00:47:50

Борис Дьяков написал книгу о репрессиях. Он сам репрессированный был. И вот я читала на одном дыхании его, понимаете? Он рассказывал: в лагерях, когда они отработают, идут, их раздевают догола. И все, чтобы, не дай Бог, вдруг они что-то несут с собой, и провокация там будет. И вот он описывает, говорит, рядом с ним работал. И ему сделали операцию — аппендицит. Он на лесоповале был. Через некоторое время его послали снова на лесоповал, еще рана не зажила, и ничего. И когда они возвращались в лагерь, и когда раздели, а у него повязка. Так сорвали повязку и залезли в эту... мне было дурно. Залезли в живот и там ковыряли. Что искали? И снова человек пошел на операцию и потом погиб. Вот. Беспредел

был. Беспредел.

00:49:19

Давайте немножко еще к истории семьи вернемся.

Давайте.

00:49:26

Я вот что хотела спросить. После того, как отца арестовывают, почему не пришли за мамой?

Они не пришли за мамой, хотя мама полгода держала узелок. Она собрала все для себя вещи. Все думала, что за ней придут. Мне было 6 месяцев. А тогда вышел указ, это потом уже мне мама рассказывала. Я говорю: «Почему у той маму забрали и папу, а ты вот осталась? Почему тебя не забрали?» А остальных детей в детдом под колючую проволоку. Даже детдом был под колючей проволокой, дети репрессированных. А маму не забрали, потому что она кормящей была. Она кормила меня 6 месяцев. И был указ, что таких родителей не забирать, матерей. И вот она спасла всех нас, детей. Никого не отправили, никуда не забрали. Но за то по жизни, на работе все время пальцем показывали о том, что мы — дети, кроме меня, мы — дети репрессированных. Что отец наш — враг народа.

00:51:00

Можете рассказать пару историй, вот когда это звучало в адрес Вашей семьи? Ну, кого-то из них получается, да? В адрес кого-то из Ваших братьев и сестер, или конкретно в Ваш адрес?

Нет, в мой адрес... Нет, никто, ни в учебных заведениях, я нигде не слышала в свой адрес. А про своих я хочу рассказать, про братовой, сестер, да. Старшую сестру вот приняли в комсомол, а потом исключили. Сказали, что у тебя отец — враг народа. Не давали допустим, должностные, вот, должность, допустим, хотя человек имеет образование, и по специальности работает, и отлично работает, никаких нареканий нет, но продвижения не было, кроме меня. Меня это не коснулось.

00:52:27

Скажите, мама пыталась как-то папу разыскать?

Да, значит, прошло пять лет. И старший брат с 1915 года, когда папу забрали, ему было 22 года. И через пять лет мама с братом пошли в прокуратуру узнать о судьбе — ни весотчки нигде. Они же каждый день то туда, то сюда ходили, в очередях стояли, прямую очередь стояли, все хотели узнать о судьбе. И мама обратилась в прокуратуру справиться о судьбе своего мужа. И ей, значит, сказали: «Ваш муж еще под следствием, идет следствие». Пять лет прошло. Она говорит: «А что он уж сделал, что пять лет прошло, а следствие еще идет?» Он говорит: «А у нас даже до десяти лет идет следствие». Мама тут говорит: «Я не верю». А его уже пять лет нет! Его через месяц расстреляли! А ей врут. Понимаете? Или вот, когда реабилитировали отца в 1956 году, и, значит, пригласили маму к военному в прокуратуру, к военному прокурору по Челябинской области. И о судьбе, значит, мужа, реабилитировали его уже. И мама пришла. Пришла, говорит, сидел, говорит, такой мужчина, седоволосый, красавец. Сидит, значит, посмотрел на маму, видит, что там сколько детей было. И он спрашивает, ну, как вы живете, как жили это самое, как сейчас, что. Она говорит: «Так моей дочери уже 19 лет». Это в 1956 году. Она уже, говорит, три года как работает. Она говорит: «Мне прислали письмо, я хочу узнать о судьбе своего мужа». И он сказал, что ваш муж умер в Магаданских лагерях, стенокардия сердца. Мама посмотрела на него и говорит: «Мне очень жаль вас, очень жаль». «Я, — говорит, — знаю, что моего мужа поставили к стенке и расстреляли, а вы говорите, что это стенокардия сердца». Он: «Мамаша, вы почему так думаете?» Она говорит: «Да, я так думаю, и правильно думаю». И потом, ну, она ушла из жизни, и так она и не узнала, что ее муж, ну, она знала, что ее мужа расстреляли. Это я уже узнала в 1991 году, допустим, справилась о судьбе, а до этого же не давали никаких сведений.

00:56:40

Скажите, а откуда у нее такая уверенность?

Я вот не знаю. Я ей тоже говорила, когда она пришла от этого прокурора, рассказывала. Я говорю: «Мам, а ты не боялась?» Она говорит: «А что мне бояться? Мне уже бояться нечего. Тебе 19 лет. А что со мной будет — мне все равно. Я сказала правду», она сказала. Все.

00:57:15

Вот откуда, я уточню, эта уверенность, что именно расстрел — это действительно правда? Просачивалась информация уже как-то давно, вокруг все об этом говорили? Или это про чувства скорее больше, что они это чувствовали?

Я не хотела бы это говорить, конечно, откуда это все. Не хочу. Просто не хочу. Откуда мама знала. Хотя этого человека уже и нет в живых, и мамы нет, но я еще живая. Не хочу. Оля, не хочу. Пойми меня.

00:57:51

Я понимаю, а я не буду настаивать.

Не пытай.

00:58:04

Интересно, как столько лет прошло, десятилетий прошло, а все равно есть какие-то болевые точки, какие-то истории, которые даже сейчас, в 2023 году, невозможно озвучить.

Да, есть чутье.

00:58:27

Я папу, вот, я его не знаю, я вообще не знаю, ну, 6 месяцев, ну как, я не знаю. Но как мама рассказывала, что он, говорит, прибежал с работы, я 27 апреля родилась, он с работы прибежал, говорит, меня хватал, и шел гулять. И он так говорит: «Катя, я не могу дождаться, когда закончится смена, чтобы мне вот пойти». Вот понимаете, какое у него...

00:59:05

А разве я знала, что я буду возглавлять эту организацию, защищать права репрессированных людей? Я в жизни, я даже и в мыслях не держала, не держала даже в мыслях. И когда меня пригласили, это, ну, видимо, списки были, я не знаю. Меня из города пригласили, когда организовывали в 1994 году нашу организацию Курчановскую. Вот именно этот район, конечно, был шикарный, и все такое, и люди здесь хорошие. И вот мы у источников стояли вместе с Галиной Андреевной. Вы, наверное, ее знаете? Нет, да, Центральный район. Она заместитель Галины... скажите, как фамилия ее? Забыла. Гаврилова. Вот они отвечают за Золотую гору. И вот они весь комплекс этот сделали «Центральный район». А мы с ней у источников стояли.

01:00:40

Получается, сколько Вы проработали председателем?

Председателем — 25 лет, 25 лет. А, ну, вы не читали, потому что... ну, зафотографировали же?

01:00:49

А покажите, Вы говорили, что для Вас очень важна эта грамота или диплом, что это?

Сейчас я вам... Да. Ой, очки.

01:01:09

Уважаемая Раиса Ивановна, Президиум Челябинского областного совета ветеранов искренне, от всей души, выражает Вам благодарность за активность, душевность и заботливость на посту председателя ветеранской организации реабилитированных и пострадавших от репрессий южноуральцев. Родившись в далеком 1937 году, 13 ребенком, Вы росли в рабочей семье инженера-строителя в городе Челябинске. Ваш отец, как и многие другие, был репрессирован, а затем реабилитирован. Но это не озлобило Вас и не помешало Вам получить высшее образование, найти себя в жизни и проработать в кадровых органах 50 лет. Вы работали на крупных предприятиях города: это и Часовой завод, Челябинский тракторный завод, «УралРЕМСТРОЙ-МОНТАЖ». Во всех рабочих коллективах вы заслужили почет и уважение за добросовестный труд. Уйдя на пенсию в 1994 году, Вы, Раиса Ивановна, на 25 лет возглавили общественную организацию ветеранов со сложными и тяжелыми судьбами. Эти люди благодарны вам за чуткое и внимательное отношение к ним. Вы всегда приходили на помощь по любым вопросам и просьбам. Областной совет ветеранов еще раз говорит вам огромное

спасибо за Ваш самоотверженный труд и желает крепкого уральского здоровья, счастья, радости, успехов, благополучия и долгих лет жизни.

01:03:07

Да, это мне. Это не было интервью, но я была в Совете ветеранов и возглавляла эту организацию. Это они все взяли из компьютеров, там где все фиксируется.

01:03:38

Покажите еще фотографии, они же тоже связаны с мероприятиями, с годовщиной памяти жертв политических репрессий.

Да, жертв политических репрессий. Я провожу заседание ко дню жертв политических репрессий. 30 октября мы собираемся, все столы открываем, поминаем наших родных и общаемся. Каждый рассказывает свою судьбу, по 50-60 человек. Ну, а тут, так как я председатель областного комитета, Миасс входил в нашу организацию. Я присутствовала у них на мероприятиях во всем. У меня было 12 городов: Еманжелинск, Коркино, Копейск — много было репрессированных шахтеров.

01:05:10

Что значит у меня было? У меня было 10 городов?

Я с этими городами работала, понимаете? Я каждый месяц к ним приезжала, смотрела председателей, работу их: Садкин, Миасс, Копейск, вот все города. Ездил ежемесячно — смотрела их работу. Все добросовестно относились к этой работе.

01:06:08

Я как раз приехала из Челябинска поздравлять их с пятнадцатилетием, мемориал. Там председатель. Мы вдвоем приехали. Это мой председатель.

01:06:27

Вы в красном?

Да, в красном, и рядом со мной моя заместитель.

01:06:41

А это председатель города Миасса и ее заместитель.

01:06:48

Это моя семья. Здесь нас трое сестер, мама, брат со своей семьей, сноха. Вот моя мама, мои племянники, сноха, брат, сестра, племянница, это я, и вот еще сестра старшая. Это еще не все. Конечно, это еще не все. А тут у меня уже и внуки и правнуки.

01:07:34

А была какая-то фотография, где вы все вместе?

Нет, такой фотографии — нет, потому что когда папу забрали, старший брат, про которого я говорила, которому 22 года, они все занимали посты, они все на руководящей должности. Брат, которому исполнилось 27 лет, он работал на станкостроении старшим мастером в войну. Он возвращался домой через насыпь и ему сделалось плохо, это стрелочница рассказывала, и говорит, нехорошо закричал и упал, умер. И маме утром пришли и сказали — заберите труп на сибирском переезде. И там уже и прокуратура была и все, ну, отказало сердце. А второй брат пришел с работы, в войну тоже, в 1942 году, с работы пришел. У него поднялась температура, и двухстороннее воспаление легких. И через девять дней, вот старшего брата похоронили, и через 9 дней шестнадцатилетнего брата похоронили.

01:09:28

Скажите, а когда за отцом пришли, многие братья и сестры были в таком возрасте, в котором могли запомнить детали?

Нет, это было ночью, 12 часов ночи. Ночью приехали черный ворон, и все спали. Все абсолютно спали. Только вот старший брат, которому 22 года было, и мама. Мама, конечно, растерялась.

01:20:02

Вы просто сказали, что был обыск. Я подумала, что из-за этого шума может кто-то проснулся и потом Вам рассказывал.

Нет, никто не проснулся. Там искать было нечего, одни дети. В столе никаких документов. Забрали диплом папин, профсоюзный билет, и трудовую книжку почему-то забрали. Когда реабилитировали, они выслали документы и сказали, что эти документы (диплом, профсоюзный билет) нет возможности... они утеряны.

01:11:19

Отца обвиняли в том, что он был связан с белогвардейцами. А он их в глаза не видел, этих белогвардейцев. Впоследствии узнали, что на него был донос. Я, когда следствие вот это расследовала все, оказалось так. Папа в сметный отдел приносил документы на подпись. Там сметчик сидел. Подали донос на этого человека, на сметчика. Он там разрыдался... разрядка на него пришла, вот как. Он туда-сюда, пятое, десятое. И ему сказали: «Если место себе найдешь, значит ты останешься». И он кого выбрал? Выбрал папу 13 детей. Представляете? И донос написал. А этот донос [написал], Подобед у него фамилия, все узнала. А почему написал? Потому что папа относил ему сметы на подписи, и он знал, что папа был за границей, и вот поэтому. Только так, больше никак.

01:13:17

Что-нибудь о судьбе доносчика знаете?

Знаю. Он через месяц, у него заболел палец. Это мама мне рассказывала. Заболел палец, и от пальца умер. Заражение пошло и он умер от пальца. Да, знаю, знаю. Я же тоже на тракторном работала и знаю, что он тоже работал на тракторном заводе, в сметном отделе. Я тоже работала на тракторном отделе.

01:13:51

Скажите, ходили ли Вы в архив для того, чтобы получить дело отца на руки? И можете ли Вы рассказать об этом дне, об этом столкновении?

Меня второго декабря пригласили в прокуратуру, чтобы ознакомиться с делом моего отца. Меня пригласили второго декабря 1993 года и предоставили архивные документы, и я ознакомилась. Теперь мне самое главное... я не знала, когда родился папа, что 24 июля 1987 года, и не знала когда, за что и как его арестовали и расстреляли. И вот в этих материалах, мне предоставили эти материалы, я уже рассказывала... или не рассказывала. Когда я знакомилась [с документами], на допросе папу спрашивают: «Когда вы в последний раз встречались с белогвардейцем, со шпионом?» И, вроде бы, папа ответил, что 26 июня 1938 года. И когда я закончила знакомиться с делом моего отца, меня генерал спросил: «Вам все понятно?» Я говорю: «Мне все понятно, но у меня есть вопрос». Вот я, говорю: «Читаю — папу расстреляли 14 ноября 1937 года. А, значит, — читаю дальше, — когда папу привели на допрос и ему задали вопрос о встрече с белогвардейцем, папа ответил — 26 июня 1938 года». Я говорю: «Генерал, это что? На том свете что ли допрашивали? В 1937 расстреляли, а в 1938 еще допрашивали». Он так улынулся. Он ответил, что хорошо, что только это увидели, а больше ничего. Что есть еще пострашнее. И на этом закончилось. Вот так я узнала судьбу своего отца. Мне очень хотелось, потому что я не знала, когда папа родился, какого числа, как поминать и все такое. А тут я сказала, что больше ничего не надо. Я все делала через церковь, поминала его.

01:17:22

Что в этом деле еще было? Там были детали допроса, что папа отвечал? Признавался ли он?

Я только единственное, что сказала генералу, его допрашивали и всего два раза зывали на допрос. В течение месяца два раза. И потом расстреляли. И он нигде не поставил свою подпись. У меня слезы ручьем потекли. Я представляла, как его пытали. Его били там. Вот этого я... Там и врачи сидели, конечно, все, оказывали помощь. Лучше бы я не задавала этот вопрос, не видела бы это.

01:18:05

Скажите, почему у Вас дома нет фотографий семьи, отца?

Отца нет фотографий. Была фотография, но я ее отдала в музей. Музей у нас был в Курчатовском районе. И женщина, которая возглавляла этот музей, она заболела. Никто не взялся за эту работу. Она все документы сдала в архив. Там фотография папы и, по-моему, даже мамы. Меня просили. И своя фотография была еще, моя. И это тоже я рассказывала, писала. Это все было там.

01:20:04

Я подумала, что, возможно, Вы передали в архив фотографии, потому что, насколько я поняла, и братья и сестры уже умерли, да?

Да, я одна. Я осталась одна на белом свете. За всех доживаю. И сколько это еще будет неизвестно.

01:20:29

Очень хочется, чтобы как можно дольше.

Ну, не знаю, как Бог. Мы все под богом, походу. Не знаю.

01:20:40

И детей, Вы сказали, у Вас тоже не было?

Нет, я замуж не выходила.

01:20:46

Замуж не выходила?

Нет.

01:20:49

Почему?

Ну, не выходила, не знаю, почему бы так. Наверное, мама меня родила без судьбы. Я всегда ей говорила. Были очень хорошие молодые люди. И в институте я училась, и в техникуме училась тоже. Но не сложилось почему-то, не знаю. Много ухаживали.

01:21:19

Вы были слишком вовлечены в общественную жизнь, похоже.

Не знаю. Ну, работе я, да. Я честно выполняла. Я работу свою так выполняла, как будто бы печать поставила. Так. Мне все говорили. Ну, вот так вот. Ну, общественная работа – это общественная работа. А это и вообще работа, есть работа. Своя, конечно, должна быть. Пространство своей жизни тоже должно быть, но не случилось почему-то. Не знаю, жалко ли, не жалко, хорошо ли, плохо. Сейчас я осознаю, что это плохо. Сейчас я страдаю — одна.

01:22:41

Может быть, я что-то не спросила, а вы хотели еще сказать?

Нет. Ничего не хочу больше. Вы все спросили. И я вам все рассказала. Так как есть. Не знаю, как получится, но...

01:23:02

Не все. На один вопрос не ответили.

На какой?

01:23:06

Мы с вами обе знаем, Вы сказали, что... Но мы с вами обе договорились, что Вы не будете отвечать на вопрос, откуда мама знала.

Да.

01:23:16

О том, что отца все-таки расстреляли.

Да. Этого я никогда, Оля, я этого не расскажу.

01:23:21

И даже не на камеру Вы никому не рассказывали?

Нет. Никогда. Нет. Мне такой вопрос в первый раз задала ты. Мне никто не задавал такой вопрос.

01:23:35

А не под камеру кто-то же задавал вопрос? Это..

Этого я тоже не говорила. Это очень, сугубо секретно.

01:23:47

Сколько же еще тайн в этой огромной страшной теме...

Трагедии, это трагедия.

01:23:55

И сколько же еще не сказанного и не открытого, не признанного...

Да, и не признанного. Это ужас. А ведь тогда будет, допустим, существовать государство, когда до единого человека узнает это самое. Что? Что случилось с тем и другим, с третьим? Все это. До последнего человека. Вот тогда будет завершение всего. А так... Так вот это смута будет. Вот если бы все вот так вот случилось, что мы все знали. И как, и что должно, и что мы осудили это, что мы осознали это горе. Осознали все, что сделано с нами. Мы бы такую трагедию не получили. Россия бы не получила такой трагедии. Вы думаете нас услышали, что ли? Это тоже... Это сколько сил, сколько всего, это сколько нервов. Я иной раз приходила, я даже не могла уснуть. Я ночи не спала. Понимаете? Вот такое, что... Ну не получается. Нас не слышат. Не слышат. И не понимают.

01:25:35

Но, во всяком случае, Вы пытались. Я про гражданскую позицию, про то, что много чего мы можем, на самом деле. Каждый из нас.

Конечно, если бы я знала, что вы будете здесь... разве я бы отдала документы? Вы бы ахнули! Вы бы посмотрели и сказали... У нас ведь и отписки были, нам ведь и ответы давали. И какие ответы давали, и ответ дадут, мы по новой пишем. Там не понимают — мы в третий пишем. И так по кругу... это сколько нервов. А сколько ходишь на заседания к ним, ходишь с ответами. И тебе такое говорят... это уму не постижимо! Это какие нервы надо иметь, это какое здоровье надо иметь. Я не знаю как я еще живу, честное слово. Я говорю, я приходила с заседания, я ночью не спала. Ночью проснусь и думаю, как я еще живая. Вот я только-только начала успокаиваться. Только. Так это уже прошло 4 года, как я. Ровно 4 года, как я сдала своей. Но порой меня вот терзайте.

01:27:19

Все, мы закончили терзание. Спасибо вам огромное. За Ваши рассказы, за Вашу деятельность.

Спасибо вам.

01:27:34

Видите, как у нас здесь культурно. Все чистенько. Так же бывает и зимой, и весной, и летом. Даже утром, я рано приезжаю, если мероприятия. И даже без мероприятий я часто бываю здесь. Вот мне скучно, я что-то думаю, заскучала, думаю, схожу к папе. И это прихожу всегда здесь такая чистота. Я сяду на лавочку, хвостик под лавочку. И сижу. Часами сижу.

01:28:20

А покажите, какая Ваша любимая лавочка?

Да, пойдете. А я скажу. Скажу, где мой папа лежит, покажу. У нас сейчас все сделали: и

трибуна там... А раньше, видите какое дерево. Оно было совсем маленькое. Сейчас и елка, и дерево — все так ухожено. Вот здесь лежит мой папа. Именно здесь. Как пригвоздили мне. И вот лавочка. Здравствуй, папа. Вот так вот.

01:29:46

Посидим?

Посидим. Давайте посидим.

01:29:53

Садитесь.

Урны убираются, все чистенько. В любое время прийти одно удовольствие. Так тихо. Здесь шахта. Вот шахта — это первая шахта. Тут две шахты. Вот здесь две шахты. Вот третья шахта. Вот здесь установили. И вот в память о своем отце, инженер-строитель, вот эту стелу сделал, купол. А крест и облагородили священнослужители. Вот эти шахты были в 1937 году значит заполнены и припудрины. Просто припудрили, так слегка, а до основания были трупы. Вот здесь, здесь. И когда приезжал Сахаров с Бонар, Береговой, Старовойтово, мы здесь стояли. И вот мы стояли. И митинг. И вот пошел такой ливень, как из ведра. Просто вода лилась и все. А потом, ну раз, ну, наверное минуты три. Потом солнышко. И было что-то. Шахты были открыты. Уже начинали раскопки делать. И потом, значит, находили вещи, сюда привезли.

01:32:20

Когда была траурная церемония, получается, что уже перезахоронение произошло?

Были раскопки, вскрыты шахты. Гробы делали. И доставали черепа, укладывали их, понимаете, кости, все. Вот косточки собирали в гробы. И здесь уже хранили гробы. Когда это вскрыли, мы видели, доставали вещи, кости. И укладывали их в гробы. Это да. Видели.

01:33:06

То есть это прямо на церемонии открытия?

Нет, не на церемонии. На церемонии объявили где захоронены жертвы политических репрессий. А после этого уже вскрывали и доставали, и укладывали. И снова зарывали. А где кресты стоят, там нет могил. Просто кресты. Когда поднимали документы и зачитывали в каком году эти шахты...В 1937 году их сюда сбрасывали. А здесь. В 1938-1939 году здесь нет гробов. Просто по определению года ставили кресты. Просто, что в 1939 году, может там, маму расстреляли или папу. Знали дети, что 1939 год, и они сами устанавливали кресты. А крестов здесь не было. Ну сохранились там металлические: кружки, еще что-то, вещи. В нашем музее.

01:34:45

Да, я читала, что флакончики из под духов, кисеты, душки от очков.

Ложки, вилки, в основном кружки. Мы когда приходим, даже 9 сентября, возлагаем цветы. Очень много цветов, венков. Города. Приходят от этого города. От садки там. Тоже же здесь находятся люди. И когда уже цветы увядают много, приходят — все убрано. Видите, как красиво, следят, вот настолько следят за этой горой. Просто прелесть. Ой. Как вам сказать. Сколько метров? Ну, глубокое. Доставали золотостаратели, копали, доставали золото. А потом этим шахтам нашлось применение: в годы репрессий сбрасывали сюда тела. Подъезжали на черном вороне, привозили тела, ставили на кромку этой шахты. Всех выстраивали, залпом стреляли. Ни один, ни два человека с пистолетами, с винтовками. Люди падали в эти шахты, их не то что сбрасывали — они кто от испуга, кто падал. В некоторых попадали, в некоторых не попадали, кто раненый. Стон был. Женщина рассказывала, которая живет в поселке Шершневском, здесь. Она рассказывала, что, когда уезжали машины, свое дело свершили, сели и поехали, они приходили сюда и спасали некоторых людей.

01:37:36

Есть версия, что в грузовиках привозили мертвые тела, а расстрелы были в расстрельных комнатах?

И в расстрельных комнатах, да, привозили уже готовые, но в основном сюда привозили и расстреливали.

01:37:54

Скажите, у Вас эта информация из каких источников? Из каких свидетельств?

Рассказывали. Та же женщина, и не одна она, в поселке Шершни, и вот они там все видели и слышали. Понимаете? И расстрелы они слышали. И где вот их допрашивали. Если 300 человек в день расстреливали, не могли же они всех расстрелять там и привести. Конечно, там расстреляли, привезли, свалили, а сюда привезли и здесь расстреливали.

01:38:50

Может быть пройдемся?

Да, давайте пройдемся. Давайте вот сюда пройдем, к стеле. Где лучше пройти... давайте вот здесь и так обойдем. Здесь есть кладбище, там, подальше, мусульманское кладбище. Мы когда приходили, работает здесь мусульманин и живёт здесь вот он. И он каждое утро приходит здесь. И вот встаёт и молится. Понимаете? Вот прямо у нас здесь, это мы видели, прямо своими глазами. Мы с ним разговаривали. Он говорит: «Да, я здесь живу». И всё. В этих больших домах. Тут рядом же всё. Я что хочу сказать, не разрешали вот здесь ставить. А потом, когда вот это вот всё сделали, облагородили, и тогда стали люди ставить памятники, кресты, и в основном 1938-1939 год, и есть 1937 год. Ну это, видимо, поздно узнали, где там уже они не смогут захоронить, они здесь ставили кресты. Вот когда мы формировались, эта организация, было всего 450 человек. Люди боялись. Когда объявили, они знали, но они боялись идти и вставать на учёт. У них страх был. А вдруг, чтобы с ними это не случилось, понимаете? А потом, когда уже это всё началось и пошли, и пошли, я говорю, что 39 000 в Челябинской области было репрессированных, 39 000. Даже в Челябинской области, я что хочу сказать, когда другие корреспонденты, с другими я приходила сюда. И мы приходим даже в сентябре месяце, и мы видим, что пополняются и пополняются вот эти кресты. Просто встанет и знает, в каком году что. Вот репрессирован в 1944 году. Понимаете? Тупов Иван Григорьевич. Между прочим, вот здесь не раскрытые шахты, здесь тоже, в круговую, и там есть шахты не раскрытые.

01:46:35

То есть, получается, здесь мы идем как раз по захоронениям?

Да, да. Ну, здесь не раскрыты шахты. И сзади тоже там не раскрыты шахты. И дальше там по ту сторону, вот это мы по эту сторону идем, а еще по правой стороне, на той стороне. Там тоже шахты, тоже не раскрыты, ничего. А давайте туда пройдем еще. Протоиерей вот. Вот видите, Николай чудотворца. Родился, осужден. Сколько здесь служителей? Священник Добров, Македонии, Алексеевич, Курган, 1938 год, с 1888 года рождения.

01:49:14

Смотрите, а здесь прям текст подробный. Можете почитать нам?

Так. Про протоиерея Александра Кузьмича Савыникова. Рождение 1872 года, село Каширина. Вот в 1955 году он реабилитирован. К евреям и всей почте по закону очищается кровью. И без пролития крови не бывает прощения. Вечной памяти, вечный покой, святые мученицы, молитвы Бога о нас. Так.

01:50:16

Осторожно, опирайтесь на меня.

Ой. Оля, тут целый список. Оля, вот. Чувствуешь, какая тишина? Оля, вот тишина. Нигде даже, чтобы пролетела птица или что это. И вот такая тишина — гробовая здесь. Вообще. Ой. Папа скажет: «Доченька пришла». А вот там дальше мусульманское кладбище. Вот. Там не надо. А я хочу, не знаю, как получится, сходить к Галине Андреевне, эта же принадлежит земля центральному району, чтобы, если я умру, меня кремировали и к папе сюда... ну или сюда поставить памятник. Но чтобы на Золотой горе, хочу с папой быть. Не знаю, как получится, но может получится. Ведь разрешают кресты ставить. Моя мечта. Пожелайте, чтобы это исполнилось, чтобы урну мою сюда. И все будут знать. Я же все-таки была у истоков этого всего. Тем более, папа у меня здесь. Хочу, чтобы так было. Чего Оля задумалась?

01:56:09

Я чего задумалась? Над словами Вашими задумалась. Такое место располагает для задуматься. Вы ведь, когда сюда приходите, тоже много о чем думаете?

Все приходим, и все конечно о своем думают.

- 01:56:41 **А если не про мысли, а про чувства? Что это за чувства? Уже про принятие, или есть какая-то обида?**
- На кого?
- 01:56:49 **На тех, кто это все совершил.**
- Нет, почему-то не высказывали такого, обиду не высказывали. Никто.
- 01:57:03 **А у Вас внутри как?**
- Также. Свершилось, значит свершилось. Здесь ведь, Оля, ничего не изменишь. Понимаешь? Вот это случилось, эти репрессии, от нас независимые. Что побудило этого Сталина, чтобы уничтожить 27 000 000? Расстрелять своих, геноцид сделать собственного народа. Власть у него в руках была. Ну зачем вот это все? Как он со своей женой поступил, что она вынуждена была застрелиться? Как он ее унижал? Вот я читала... сколько она сделала от него аборт. Это ужас!
- 01:58:12 **Вы говорите, что власть была. А власть же все время нужно удерживать.**
- Хорошо, удерживать. А что мешало?
- 01:58:24 **А когда всюду тебе мерещатся враги?**
- Это он видел, поэтому вот это сумасшествие. Поэтому люди мнительные такие, вот они всюду смотрят, что, вроде бы, под них капают. Это такая болезнь. И много таких было. А он этим страдал, Сталин страдал этим, он всех видел врагами. Понимаете? Это сумасшедший человек. Я считаю, что сделать геноцид собственного народа, да таким убийственным количеством... это нездоровый человек, это больной на голову. Люди строили, люди жить хотели, дети рождались... И чтобы уничтожить весь свет общества, ведь он уничтожал не простых людей, а свет общества: генералов, ученых, инженеров. Сколько профессий выдающихся.
- 02:00:10 **Умные — самые опасные.**
- Так будь умным — и опасаться нечего. Но Бог его простил за этот геноцид. Он же в духовной семинарии учился, Сталин.
- 02:00:36 **Это он в юности. А почему Вы решили, что Бог его простил?**
- А я считаю, что он его простил. Но не знаю, чтобы на зло врагам не бывает... Все равно это... Он хам был, не выдержанный, не церемонился, мог оскорбить при всем честном народе. Назвать тебя как угодно, я много о нем читала. Многие говорят, когда вот такое вершится, непорядок. Говорят, Сталин бы протянул руку, и все молчали бы. Но это не выход. Ну как всю жизнь в страхе жить, Оля? Я вообще не представляю. Это все время в страхе, что тебя не сегодня, так завтра пришибут. И так же с ним работали, и всё время думали: вернется он домой, в семью, или не вернется. У него всё время рука на этом... На кнопке держал. Вот здесь тяжело, потому что чувствуешь, что здесь же шахты, но они же не вскрыты, ничего. Конечно, тяжело, что мы ходим по людям. Сколько здесь уложено людей, Боже мой! Господи, прости, Господи! Они ни в чём неповинны. Оля, ты с какого года?
- 02:03:33 **1980-й.**
- 1980-й?
- 02:03:38 **А что?**

Ты этого ничего не видела, но за то много читала и слышала. Спасибо вам за то, что вы привезли меня сюда, на Золотую гору. Я сегодня даже спать спокойно буду. Прости меня, папа. Спасибо. Я долго буду помнить вас. Приезжайте. Даже будете в Челябинске — заходите. Я вас всегда буду, если буду живая, здоровая. Думаю, что буду. Приезжайте. Спасибо.